

Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора

Антон Щелкунов

Complete investigative forgery as a tool of the Great Terror

Anton Shchelkunov

(National Mining University, Dnepr, Ukraine)

DOI: 10.31857/S086956870000131-5

После публикации работ Р. Медведева и Р. Конквеста¹ в историографии Большого террора утвердилась точка зрения, согласно которой сотрудники НКВД в повседневной практике использовали пытки, «конвейер» и камерную обработку, чтобы заставить арестованных сознаться в преступлениях, которые те не совершали, и таким образом выполнить «лимиты» на массовые аресты. Только в последнее время этот тезис был подвергнут критике. По мнению М. Юнге, «под вопрос следует поставить общепризнанное обвинение в адрес “карателей” в поголовном применении пыток.

На самом деле здесь соблюдалась определённая иерархия: членов элит пытали и избивали гораздо чаще, поскольку в их делах центральную роль играло индивидуальное признание подозреваемого. Что же касается представителей “простого” советского населения, то здесь, как правило, было достаточно нескольких свидетельских показаний и справки государственных органов власти (например, сельсовета), чтобы юридически обеспечить вынесение требуемого приговора². Однако в большинстве архивно-следственных дел жертвы «кулацкой операции» «признавали» свою виновность, хотя свидетельские показания там отсутствовали. Поэтому можно предположить, что против этих людей наравне с пытками применяли тотальный следственный подлог, при котором все соответствующие документы, в том числе и подписи арестованных, подделывались.

В работах Л. Головковой, А. Суслова, Г. Станковской и Л. Лягушкиной³ также упоминается (но, к сожалению, не анализируется) практика, при которой арестованный не привлекался к «следствию», а все материалы по нему подделывались, как и подписи «жертвы».

© 2018 г. А.А. Щелкунов

¹ Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Конквест Р. Большой террор. В 2 т. Рига, 1991.

² Юнге М. Советские «каратели». Историография, методы и источниковая база // 3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. 2015. № 1(44). С. 22.

³ Головкова Л. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских (URL: <http://sdsmp.ru/smi/2395/>); Суслов А.Б. Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. № 1. С. 98; Станковская Г.Ф. Как делали «врагов народа» // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 102–103; Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти». Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 80.

Факты, подтверждающие гипотезу о массовом применении тотального следственного подлога при реализации Большого террора зафиксированы в воспоминаниях его жертв, а также в жалобах репрессированных, документах прокурорской проверки этих жалоб и следственных материалах осуждённых сотрудников НКВД.

В данном исследовании проведён фронтальный анализ воспоминаний 217 советских граждан, арестованных по политическим мотивам в 1937–1938 гг. Из этого числа пятеро указали, что их не привлекали к следствию ни в какой форме. Таким образом, только 2,3% общего количества эгодокументов указывают на тотальный следственный подлог, что вроде бы опровергает предположение о его массовом применении. Но это только на первый взгляд. При сопоставлении социальных составов жертв террора, оставивших после себя мемуары, и общего числа репрессированных получаем следующую картину. Все 165 человек, написавших мемуары, на момент ареста были коммунистами или их близкими родственниками. Ещё 32 репрессированных не представляли привилегированные группы советского социума, но в то же время не относились к «антисоветским элементам» и «контрреволюционным национальным контингентам» (хотя кого-то могли к ним причислить без ведома «жертвы»). Восемь эгодокументов оставили пострадавшие от «национальных операций» и 12 — от «кулацкой операции». При этом, по оценкам О.В. Хлевнюка, удельный вес осуждённых по данной операции и близким к ней — «национальным» составил около 80% по отношению к общему числу жертв Большого террора, а по расстрельным приговорам — 93%⁴. На жертв операций первых двух видов *приходится менее 9% оставленных эгодокументов*, т.е. подавляющее их число оставлено теми, на кого не были нацелены массовые репрессии. Более того, 76% общего числа воспоминаний принадлежит представителям «элитарных слоёв советского общества»: офицерам РККА, партийным и государственным чиновникам, «новым» (советским) интеллигентам, на которых не распространялись принципы процедуры репрессирования, установленные оперативным приказом № 00447 (только один допрос, ведение следствия не более семи дней, рассмотрение дел «тройкой» и проч.)⁵.

Парадокс состоит в том, что эгодокументы, сформировавшие представление о формах и методах ведения следствия в рассматриваемый период, создали представители тех социальных групп, на которых распространение Большого террора не планировалось. Крестьяне, зачисленные советской властью в разряд «кулаков», священнослужители и рядовые советские граждане — представители «контрреволюционных национальностей» — составили молчаливое большинство репрессированных.

Из пяти жертв тотального подлога четверо относились к целевым группам «кулацкой операции»: трое — крестьяне, которых для выполнения «лимитов» легко можно было записать в «кулаки», и один «контрреволюционный элемент».

О фактах тотального подлога свидетельствует Т.А. Кириллова. Её семью раскулачили в 1933 г. и сослали в Сибирь. Женщина вспоминала: «В 1938 г. меня арестовали. Ни суда, ни допроса не было — ст. 58, пункт 10, десять лет. Меня вызвали подписать приговор. За стенкой кричал мужчина, его, наверное, били.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 320.

⁵ «Из оперативного приказа НКВД СССР № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и [прочих] антисоветских элементов”» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов. В 7 т. Т. 1. М., 2004. С. 268–275.

Мне так страшно было, что я сразу подписала и ничего не спросила»⁶. Ю.П. Кудинова, из крестьян, арестовали в 1937 г. Вместе с ним были взяты под стражу пятеро его одноклассников, которых обвинили в создании тайной антисоветской организации. Отца и дядю Кудинова тоже задержали. Он вспоминал: «В таких условиях без вины виноватым, без единого приглашения на следствие пришлось отсидеть пять месяцев. И только в первой половине октября 1937 года я был вызван в кабинет начальника тюрьмы, где он вручил под подпись обвинительное заключение, в котором я и мои товарищи обвинялись по 58-й политической статье (пункт 10–11) в организации тайной группы и агитации в школе против советской власти. Так в шестнадцать лет мы стали “врагами народа”»⁷.

Про отсутствие допросов (и даже формального следствия) рассказал в воспоминаниях Г. Путилов. Они были записаны журналисткой О. Тарасовой, которая опубликовала их в литературной обработке. Поэтому не до конца понятно, какое социальное положение занимала семья Путилова, только указывается, что его отец умер ещё в 1935 г. Тарасова писала: «О друзьях-“вредителях” вспомнили зимой. Их арестовали 24 января 1938 года. Так Гриша оказался в тюрьме городка Кунгур, где в течение восьми месяцев ломал голову над тем, в чём он повинен перед родной советской властью. В бумаге, предъявленной мальчишке в августе 1938-го, значилось, что он осуждён сроком на пять лет по грозной политической статье 58–7, 11 “за нанесение вреда колхозному строю путём выведения из строя народного имущества и организацию групповых незаконных сборищ”»⁸. Поскольку журналистка подробно не описала процедуру следствия, можно предположить, что к нему Путилова «не привлекали».

Н.П. Санников, арестованный в 1937 г. как контрреволюционный элемент, вспоминал: «На допросы меня не вызывали, обвинений не предъявляли, и я думал, что про меня забыли, что замуровали тут навечно... Пробыл я в тюрьме неделю. На допрос ни разу не вызывали, этапом в теплушках отправили в лагерь до станции Плесецк. Когда нас выводили из камеры, выкрикивали фамилию и приговор. Здесь я услышал: “Санников, осуждён особым совещанием на 10 лет”»⁹.

Пятый человек, рассказавший о тотальном следственном подлоге, — И. Ефимова, которая по социальному положению принципиально отличалась от предыдущих мемуаристов. На момент ареста (1938) она была секретарём комитета комсомола на трикотажной фабрике, а её муж (также репрессирован) — инструктором в Московском горкоме ВЛКСМ. «Наконец, месяцев через пять, — писала она, — меня вызывают с вещами на выход. Допросов так и не было. Я хватаю своё одеяло и, не прощаясь, иду опять под конвоем по лестницам и коридорам. В маленькой комнате за столом сидит человек, а перед ним стопка приговоров. Он, слюнявя пальцы, перебирает их, ищет мою фамилию. Наконец, находит и объявляет, что решением тройки по статье 58 (параграф забыла) как жена я приговорена к пяти годам ссылки»¹⁰.

⁶ Кириллова Т.А. Незабываемое // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на православную Церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И.В. Добровольского. Франкфурт-на-Майне; М., 1999. С. 355.

⁷ Кудинов Ю.П. «Заговорщики» // Книга памяти: посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917–1980-х годов / Сост. В.М. Кириллова. Екатеринбург, 1994. С. 185.

⁸ Тарасова О. «Дело об утопленном колесе» // Политические репрессии в Ставрополе-на-Волге в 1920–1950-е годы: Чтобы помнили... Тольятти, 2005. С. 204.

⁹ Санников Н.П. «Годы под конвоем» // Мы из ГУЛАГа. Искитим, 1994. С. 37–38.

¹⁰ Ефимова И.А. «Ничего не забывается» // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошёл ад репрессий / Сост. Л.М. Гурвич. М., 1991. С. 296.

Воспоминания Ефимовой дают возможность предположить, что тотальный следственный подлог применялся и при репрессировании «жён изменников Родины». Согласно анализу оперативного приказа НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жён и размещении детей осуждённых “изменников Родины”», от сотрудников НКВД не требовалось искать, расследовать, выявлять или в чём-то разбираться. Приказ гласил: «Аресту подлежат жёны, состоящие в юридическом или фактическом браке с осуждённым в момент его ареста». Репрессированию не подлежали только «жёны осуждённых, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них в органы власти сведения, послужившие основанием для разработки и ареста мужей»¹¹. В том же приказе перечислялись приговоры для репрессируемых жён «изменников Родины», которые подлежали «заключению в лагеря, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5–8 лет»¹². Заранее определялось, кого и за что арестовывать, к каким срокам наказания приговаривать, что сводило работу следственных органов к чисто механическому оформлению необходимых документов. Дела «жён» (всегда одиночные) считались бесперспективными для следствия. Это приводило к тому, что для допросов данной категории репрессированных у следователей отсутствовала мотивация, что создавало все предпосылки для тотального подлога.

Факт, что последний был одним из инструментов Большого террора, подтверждено жалобами, которые подавали репрессированные во время реабилитации 1939–1941 и 1950–1960-х гг. В первом случае жалобы являются более информативными, во втором – достаточно лаконичны, как правило, и не всегда содержат подробности ареста и «следствия». Это связано с тем, что люди, находившиеся в заключении в 1939–1941 гг., были полны решимости добиться справедливости и выйти на свободу, к тому же их воспоминания о противоправных действиях ещё не затуманили годы лагерной жизни.

Рассмотрением такого вида жалоб занимался отдел по спецделам при прокуратуре (спецотдел). Среди документов, относящихся к деятельности прокуратуры УССР за 1939–1941 гг., в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины нет ни одного, касающегося работы спецотдела. Если бы его начальника среди прочих не упоминали на оперативных собраниях, то можно было бы подумать, что такого структурного подразделения в прокуратуре УССР не существовало. В Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины материалы по работе с жалобами за данный период отсутствуют. В ГА РФ (на ноябрь 2015 г.) аналогичные ежемесячные отчёты областных отделов по спецделам прокуратуры РСФСР были засекречены, за исключением сравнительно небольшого количества внеочередных отчётов и докладных записок. Они содержат общие сведения о работе с жалобами в спецотделе, без анализа конкретных претензий со стороны репрессированных и без перечисления противоправных действий сотрудниками НКВД. Правда, в некоторых отчётах, в частности докладной записке прокурора Челябинской обл. А.Н. Чувилова от 9 декабря 1939 г. на имя прокурора РСФСР, есть примеры незаконного ведения следствия, обнаруженные при рассмотрении жалоб репрессированных. Так, Чувилов указал на дело Е.К. Сенкевич, которую арестовали как жену «изменника Родины». «При пересмотре дела Сенкевич, – писал прокурор, – обнаружен протокол допроса её, в котором она признавала себя виновной

¹¹ Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жён и размещении детей “изменников Родины”» // История сталинского ГУЛАГа... С. 278.

¹² Там же. С. 279.

в принадлежности к контрреволюционной шпионско-диверсионной организации. Имеющийся в деле протокол был подвергнут экспертизе и установлено, что подпись Сенкевич кем-то подделана, и протокол допроса является фиктивным документом. Прокуратура поставила вопрос об освобождении Сенкевич, как незаконно осуждённой»¹³.

Таким образом, единственными доступными источниками для исследования заявленной темы оказались жалобы, подшитые к делам репрессированных, и материалы следственных дел против работников НКВД. Данные документы находятся в областных архивах (архивно-следственные фонды бывших областных управлений НКВД).

Для подробного изучения проблемы я выбрал УНКВД по Днепропетровской обл. (на момент Большого террора включала и современную Запорожскую обл.). Здесь практика выполнения «лимитов» на массовые аресты была типичной для большинства региональных управлений НКВД. Результаты анализа архивно-следственных дел, отложившихся в ходе деятельности Днепропетровского УНКВД, можно распространить на большинство других областных и краевых УНКВД Советского Союза.

К примеру, «тройкой» УНКВД по Днепропетровской обл. был арестован и приговорён к десяти годам лишения свободы кулак А.И. Жук. В 1939 г. он через своего брата обратился с жалобой на имя наркома внутренних дел Л.П. Берии, где сообщалось: «Мой брат, Жук А.И., в декабре 1937 года был арестован, потом через месяц или больше без допроса и суда, не предъявив конкретных обвинений, как он мне сообщил, а только дали подписать прочитанное ему постановление суда, в котором он приговаривался к 8 годам лишения свободы»¹⁴. На тотальный следственный подлог указывают и сроки ведения следствия по данному делу: Жука арестовали 7 декабря 1937 г., а уже 8 декабря следствие завершилось — «тройка» вынесла обвинительный приговор. На отсутствие допросов указывается и в жалобах С.Г. Садовника¹⁵, Е.С. Капусты¹⁶, С.И. Ситковского (он утверждал, что не подписывал никаких документов)¹⁷.

11 марта 1938 г. арестовали старшего сержанта госбезопасности Г.С. Горбачёва. 28 мая ему предъявили обвинение: он, «временно исполняя обязанности начальника Широкинского РО НКВД в целях искусственного усугубления вины обвиняемых, давал установку работникам РО НКВД и милиции составлять фиктивные протоколы допроса обвиняемых и свидетелей, подписывал эти протоколы и таким же методом сам оформлял дела на спец. тройку»¹⁸. Вместе с Горбачёвым задержали троих его подчинённых: секретаря РО НКВД Г.И. Рубленко и мобилизованных для проведения «кулацкой операции» милиционеров Широкинского РО НКВД В.Н. Ваганова и П.С. Сварника.

Сообщил о фактах тотального следственного подлога в том же районном отделении НКВД милиционер Гаевой¹⁹. Возможно, его сигнал никто бы не заметил, но редактор местной газеты «На варті» Приходько донёс в УНКВД, что

¹³ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 76.

¹⁴ Государственный архив Днепропетровской области (далее — ГА ДО), ф. 6478, оп. 2, д. 25, л. 14.

¹⁵ «Зі скарги Садовника С.Г. прокурору Дніпропетровської області на незаконне ув'язнення. 20 грудня 1939 г.» // Реабілітовані історією. Запорізька область. Кн. 3. Запоріжжя, 2006. С. 129.

¹⁶ ГА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 1901, л. 21.

¹⁷ Там же, д. 5697, л. 228.

¹⁸ Архів управління Служби безпеки України у Дніпропетровській області (далее — АУСБУ ДО), д. 520, т. 1, л. 5.

¹⁹ Там же, т. 2, л. 11.

в новогоднюю ночь сотрудники райотдела во главе с Горбачёвым на глазах всего с. Широкого устроили грандиозную пьянку с драками и дебошем²⁰. Кроме того, стало известно, что из КПЗ Широкинского райотдела репрессированные передавали на волю своим родственникам записки, в которых сообщали о чинимых в НКВД беззакониях. Затем близкие репрессированных обращались уже в разные партийные и государственные инстанции, «дискредитируя органы НКВД и ставя под угрозу секретность массовых репрессивных операций»²¹. Эти события привели к аресту почти всего личного состава Широкинского РО НКВД в самый разгар Большого террора.

Вместе с тем следствие по делу Горбачёва и его подчинённых всячески пытались замаять. В связи с этим главный военный прокурор пограничной и внутренней охраны УССР подал рапорт на имя народного комиссара внутренних дел УССР А.И. Успенского, в котором указал: «особоуполномоченный УНКВД провёл следствие по делу Горбачёва «крайне небрежно, поверхностно, ряд весьма существенных моментов дела вовсе обойдены следствием и не выяснены»²². Но даже после этого рапорта проводившие расследование особоуполномоченные НКВД Винокуров и Романенко пытались скрыть факты подлога — они периодически «всплывали» в следственных материалах. Например, на допросе от 24 апреля 1938 г. Ваганов рассказал: «Состоя в должности уполномоченного розыска Широкинского РО НКВД, я составлял и подписывал фиктивные протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, которые легли в основу обвинения арестованных по операции в Широкинском районе»²³. Но следствие «не обратило внимания» на показания милиционера. По фактам подделывания подписей репрессированных на фиктивных протоколах допросов никто из арестованных чекистов, по сути, так и не был допрошен. Также не допрашивали людей, репрессированных работниками Широкинского РО НКВД. По крайней мере, в архивно-следственном деле Горбачёва и других подобные материалы отсутствуют. Правда, в нём существует двойная нумерация: старая (перечёркнутая) и новая. Их сопоставление показало: около 50 листов из дела изъяли и уничтожили. На это указывают и данные на судебном заседании показания Горбачёва (в деле отсутствующие): «Будучи в Кривом Рогу я слышал от уполномоченного Дегтярёва, что и он так оформлял по 25 дел в день. Я об этом показывал на предварительном следствии, но эти мои показания не зафиксированы. Репинский в феврале месяце 1938 г. рассказал, как он составил фиктивные документы на гр-н Сускова и Карануп. Я дал следователю об этом отдельные показания»²⁴. Начальник управления рабоче-крестьянской милиции Дятлов в рапорте от 13 февраля 1938 г. указал, что передал в Управление госбезопасности НКВД по Днепропетровской обл. показания Ваганова и Сварника, а также участковых инспекторов Широкинского РО НКВД Кучерявого и Андриенко²⁵. Данные материалы в деле отсутствуют. Видимо, следствие опиралось именно на эти показания сотрудников Широкинского РО НКВД, когда принималось постановление об аресте Горбачёва²⁶.

²⁰ Там же, л. 7.

²¹ Там же, л. 2.

²² Там же, л. 78.

²³ Там же, л. 86.

²⁴ Там же, т. 1, л. 292.

²⁵ Там же, т. 2, л. 11.

²⁶ Там же, т. 1, л. 5.

Судя по всему, обвинительный акт от 17 сентября 1938 г. тоже был составлен на основе этих изъятых документов. В нём указывалось: «В конце 1937 г. работники Широкинского РО НКВД в целях искусственного создания доказательств обвинения арестованных ими лиц, по явно вредительскому заданию Горбачёва, путём составления вымышленных протоколов допроса обвиняемых и свидетелей, фиктивных справок-характеристик и учинения поддельных подписей на указанных выше документах, фабриковали следственные дела и отправляли их на рассмотрение спецтройки»²⁷. По версии следствия, таким способом было сфабриковано 54 дела, по которым осудили 25 человек по 1-й категории (расстрел) и 29 — по 2-й (заключение в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ)).

19–20 октября того же года состоялся суд Военного трибунала над Горбачёвым, Рубленко, Вагановым и Сварником. Все обвинения против них свелись к подделыванию подписей на фиктивных протоколах свидетельских показаний и выяснению вопроса, был ли в действиях Горбачёва контрреволюционный умысел. Последнего суд приговорил к расстрелу, остальных — к лишению свободы на срок от двух с половиной до четырёх лет. Военный трибунал признал подсудимых виновными, и логично было бы освободить репрессированных из лагерей, а расстрелянных реабилитировать. Однако этого не произошло. Более того, некоторые из числа репрессированных в 1939–1941 гг. обращались с просьбой о реабилитации, но все решения «тройки» остались в силе²⁸.

Факты тотального следственного подлога умышленно замалчивались на следствии и в суде, потому что раскручивание данной темы могло вскрыть массовый характер данной практики. Это ставило под сомнение результаты и необходимость проведения «кулацкой операции», так как осуждённых таким способом «антисоветских элементов» следовало освободить, а личный состав УГБ НКВД практически полностью арестовать.

Один из свидетелей (сотрудник рабоче-крестьянской милиции НКВД) по делу Горбачёва в письме на имя председателя Военного трибунала Васютинского отмечал: «Я Вам должен сказать со всей откровенностью, что много на суде не выявлено. Лично я и другие свидетели боялись говорить за бывшего начальника Широкинского района Репинского (тогда начальника Генического РО НКВД. — *А.Ш.*). Он тоже в такой же мере виноват, как и Горбачёв, они долгое время вместе работали, и в таком же порядке, т.е. сочиняли фиктивные следственные дела, вкладывали подложные протоколы допросов свидетелей и обвиняемых и сами за обвиняемых и свидетелей расписывались. Они вдвоём за один день оформляли 10–15 дел. В начале они от нас прятались, а потом делали открыто»²⁹.

И хотя на процесс вызвали всего лишь пятеро свидетелей, коллегия Военного трибунала даже не удосужилась установить личность написавшего эти показания, хотя подпись имела место. Следствие и суд не учли показания Рубленко (от 28 мая 1938 г.) о том, что начальник Криворожской опергруппы Цаплюк знал и одобрял фабрикацию следственных дел в Широкинском РО НКВД³⁰. Также было проигнорировано заявление бывшего начальника Сталиндорфского РО НКВД Л.С. Михлина. Он утверждал, что находившийся с ним в одной камере Горбачёв рассказал следующее: «Приезжая в Криворожскую опергруппу с делами, оформленными на Спецтройку, он из установок б[ывшего] нач[альника]

²⁷ Там же, л. 274.

²⁸ ГА ДО, ф. 6478, оп. 2, л. 844; 1241; 1807, 3010, 3069, 3385, 3629, 3639, 4985, 5700, 6366, 6788, 6801, 6802, 6804, 6805, 6812–6814, 6822, 6823, 6825, 6826, 6828, 6829, 6831, 6834, 6835, 6846.

²⁹ АУСБУ ДО, л. 520, т. 1, л. 325.

³⁰ Там же, т. 2, л. 172.

опергруппы Цаплюка понял, что дела... можно оформлять фиктивно, т.е., что достаточно, чтобы у арестованного было прошлое (кулак, белый, петлюровец и т.д.), а остальное надо уметь составить и “задокументировать”»³¹.

Начальник Днепропетровского УНКВД П.А. Коркин в связи с арестом Горбачёва докладывал наркому внутренних дел УССР Успенскому: «Арестованный нами и признав своё преступление, Горбачёв показал, что со слов некоторых работников Запорожского, Криворожского, Молочанского, Петропавловского и Сивашского ГО и РО НКВД ему известно, что работники указанных НКВД дела на Спецтройку оформляли таким же методом, как и он»³² (в архивно-следственном деле по обвинению Горбачёва и других эти показания тоже отсутствуют). Коркин проверил работу Молочанского РО НКВД и установил, что в нём также фабриковались следственные дела и учинялись подложные подписи за свидетелей и арестованных по «кулацкой операции»³³. Работу остальных городских и районных отделений НКВД Коркин проверять не стал, видимо, получив приказ от руководства: скрыть факты применения тотального следственного подлога при реализации приказа № 00447. На это указывает тот факт, что о названном деле было известно не только руководству НКВД УССР, но и лично главе НКВД СССР Н.И. Ежову³⁴. На допросах и очных ставках арестованные сотрудники Молочанского РО НКВД признались, что массово подделывали подписи арестованных. Но суд проигнорировал эти показания — чекисты обвинялись только в подделывании подписей свидетелей и районного прокурора³⁵.

В ходе кампании по укреплению социалистической законности в 1939—1941 гг. сотрудников НКВД арестовывали за всевозможные контрреволюционные преступления (участие в антисоветском заговоре, службе в «белых армиях и т.д.) или за фальсификацию следственных дел против представителей советской элиты. Нарушения законности при репрессировании «кулаков» и других «антисоветских элементов» никого в то время не интересовали.

В 1939—1941 гг. выяснилось, что сотрудники НКВД использовали (но значительно реже) тотальный следственный подлог при репрессировании полноправных советских граждан. Так, в июне 1940 г. за фабрикацию протоколов допросов обвиняемых и подделывание подписей под ними к десяти годам лагерей был приговорён сотрудник УНКВД по Харьковской обл. младший лейтенант госбезопасности В.Р. Липко³⁶.

При репрессировании представителей компартии, комсомола, советского чиновничества, интеллигенции и командиров РККА часто применялся частичный следственный подлог, при котором фальсифицировались протоколы допросов свидетелей, протоколы очных ставок и подделывались подписи под ними³⁷. Признания же арестованных выбивали с помощью пыток.

³¹ Там же, л. 175.

³² Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее — ГДА СБУ), ф. 16, оп. 32, д. 72, л. 142.

³³ Там же, л. 142.

³⁴ АУСБУ ДО, д. 520, т. 1, л. 108.

³⁵ «Із оглядової довідки слідчого УКДБ Запорізької області про фальсифікування кримінальних справ у Молочанському районному відділі НКВС в 1938 році» // Реабілітовані історією... Кн. 3. С. 121—127.

³⁶ Золотарьов В. «Використані та викинуті»: співробітники УНКВС по Харківській області, засуджені за порушення «соціалістичної законності» наприкінці 1930-х рр. // З архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. 2015. № 1(44). С. 296—297.

³⁷ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 26, л. 76; д. 29, л. 60; ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, д. 41, л. 102; Докладная записка военного прокурора войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарского Прокурору

На примере следственных материалов сотрудников Широкинского РО НКВД реконструируем механизм тотального следственного подлога. Кулак Н.Е. Троцык был арестован Горбачёвым 2 декабря 1937 г., а 7 декабря приговорён к десяти годам лагерей. В жалобе от 29 января 1940 г. он сообщил: «Следователь райотдела НКВД предъявил мне следующее обвинение: что я служил в Петлюровской армии 8 суток. Больше никаких обвинений следователь мне не предъявлял и никаких следствий по обвинению не вёл. 18 января 1938 г. в Днепропетровской тюрьме мне объявили, что я осуждён Особой тройкой НКВД на десять лет»³⁸. Значит, Горбачёв не допрашивал Троцыка, а только объявил ему причину ареста и отправил его в тюрьму. В деле есть протокол «допроса» кулака от 4 декабря 1937 г., в котором тот признал себя виновным³⁹. Подписи под протоколом и жалобой (в количестве трёх) сильно отличаются, поэтому можно утверждать, что «допрос» был фикцией.

7 декабря 1937 г. к десяти годам лагерей приговорили кулака И.А. Лагоду. Он указал в жалобе от 15 января 1940 г.: «3-го декабря 1937 г. я был арестован районным органом НКВД, причём не велось никакого следствия и не предъявлено мне никакого обвинения, я был отправлен в тюрьму Днепропетровска и при отправке на этап мне зачитали, что вас судили по статье 54-10 на десять лет»⁴⁰. В архивно-следственном деле содержится протокол допроса Лагоды («проводил» Горбачёв), где тот признаётся, что осуществлял контрреволюционную антисоветскую деятельность⁴¹.

И.М. Иванов в жалобе от 3 сентября 1939 г. отметил: «На следствии мне заявили, что я обвиняюсь в контрреволюционной агитации. На мой вопрос, в чём выражается моя агитация, следователь ответил, что с этим я познакомлю вас завтра, так как материал мой сейчас находится в прокуратуре. Но с тех пор следователь меня больше не вызывал и ни с чем не знакомил. А в феврале 1938 г. мне объявили, что я осуждён тройкой на 8 лет»⁴². В следственном деле есть протокол допроса — в нём Иванов «признаётся» в преступлении⁴³.

Кулака Я.К. Септу арестовали 3 декабря 1937 г. и 9 декабря приговорили к восьми годам лишения свободы. В жалобе от 25 мая 1938 г. он сообщил: «Мне следователь говорит, что я допрошу свидетелей. Он спрашивает, так Вы не признаёте своего обвинения? Я говорю: нет. Он так и записал, а я расписался»⁴⁴. Протокол допроса Септы занимает чуть более одной страницы и датируется 6 декабря. С красной строки крупными буквами в нём записано: «Да, я виновным себя признаю»⁴⁵. Сложно представить, чтобы при подписании протокола этот человек не увидел данной фразы. Скорее всего, на следующий день после реального допроса следователь Ваганов составил фиктивный протокол и подделал подпись арестованного. Подписи на протоколе допроса и жалобе сильно отличаются — все буквы не похожи, кроме заглавных «С».

СССР М.И. Панкратеву и исполняющего дела главного военного прокурора РККА Гаврилову об итогах следствия по делам о «нарушении социалистической законности» в органах НКВД Туркменской СССР // История сталинского ГУЛАГа... С. 348; Протокол общего закрытого партийного собрания парторганизации УГБ Киевского областного управления НКВД // Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. У 2 ч. / Упоряд. С. Кокін, М. Юнге. Ч. II. Київ, 2010. С. 370.

³⁸ ГА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 6825, л. 45.

³⁹ Там же, л. 9–10.

⁴⁰ Там же, д. 4985, л. 34.

⁴¹ Там же, л. 10–11.

⁴² Там же, д. 6829, л. 20.

⁴³ Там же, л. 9–10.

⁴⁴ Там же, д. 6831, л. 24 об.

⁴⁵ Там же, л. 10.

И.Д. Козина арестовали 4 декабря 1937 г. как кулака, а 7 декабря приговорили к десяти годам лагерей. В жалобах от 15 июля и 30 августа 1940 г. Козин отметил, что не понимает, на основании каких доказательств его осудили⁴⁶, а 11 декабря 1946 г. в жалобе написал: «Я не признал себя виновным, так как никакой агитацией не занимался. Так это и было записано следователем. На этом моё дело закончилось»⁴⁷. В протоколе допроса от 5 декабря 1937 г. (занимает менее полутора страниц) с красной строки записано: «Да, признаю себя виновным»⁴⁸. Не увидеть этой фразы невозможно, не говоря уже об остальном тексте «признательных показаний». К тому же, подписи под жалобами от 15 июля и 30 августа 1940 г., 11 декабря 1946 г., а также 6 августа 1959 г.⁴⁹ написаны через русскую букву «и» — «Козин», а под протоколом допроса от 5 декабря 1937 г. — через украинскую «і» — «Козін»⁵⁰. Видимо, следователь Ваганов уничтожил реальный протокол допроса, а потом составил и подписал новый, соответствующий целям массовых репрессий.

Кулака Е.Ф. Фиалку задержали 2 декабря 1937 г. В 1928 г. его уже осудили по уголовной статье, и в отличие от большинства репрессированных он был знаком с уголовным процессом. Фиалка, судя по его жалобе, ничего не подписывал: «Я после своего ареста был вызван на допрос единственный раз, который продлился не более двух часов, где я следователем был оформлен, но только не допрошен и мои просьбы и настаивания в действительном и серьёзном расследовании предъявленного мне обвинения остались не расследованными»⁵¹. Однако в деле на полутора страницах имеются «показания» Фиалки — признания в террористических намерениях⁵². На их основании 7 декабря 1937 г. «тройка» приговорила его к десяти годам ИТЛ.

Некоторые следователи (например, Ваганов) при воплощении в жизнь «кулацкой операции» пытались вынудить арестованных подписать признательные протоколы. Часть людей, испугавшись угроз физического насилия со стороны Ваганова, подписывали вымышленные протоколы, в частности В.Н. Романенко и В.С. Самсонов, поставившие подписи под фантазиями следователя (об этом они написали в жалобах)⁵³.

В тех случаях, когда арестованные не поддавались на провокации Ваганова, он составлял фиктивные протоколы допросов обвиняемых и сам за них расписывался. Были и следователи (например, Горбачёв), судя по всему, даже не пытавшиеся в ходе «кулацкой операции» заставлять арестованных признаваться в вымышленных преступлениях. Чекисты сразу фабриковали протоколы допросов и подделывали подписи арестованных и свидетелей.

Содержание жалоб полностью совпадает с сохранившимися признаниями сотрудников Молочанского РО НКВД. Так, П.П. Генрих показал: «Были случаи, когда тот или иной допрашиваемый отказывался подписывать протокол. Тогда этот протокол, по указанию Наталина, подписывался мною за допрашиваемого. Лично я наблюдал, что сам Наталин точно так же делает»⁵⁴. И далее: «Я, Наталин

⁴⁶ Там же, д. 3639, л. 30, 32.

⁴⁷ Там же, л. 60 об.

⁴⁸ Там же, л. 10.

⁴⁹ Там же, л. 30, 32, 60–61, 47.

⁵⁰ Там же, л. 9–10.

⁵¹ Там же, д. 1241, л. 24.

⁵² Там же, л. 10.

⁵³ Там же, д. 1807, л. 74 об.; д. 3010, л. 20 об.

⁵⁴ «Із оглядової довідки слідчого УКДБ Запорізької області про фальсифікування кримінальних справ у Молочанському районному відділі НКВС в 1938 році» // Реабілітовані історією... Кн. 3. С. 123.

и Шрамко не допрашивали ни обвиняемых, ни свидетелей, а, вызвав арестованного, заполняли с его слов анкету арестованного, после чего, имея анкетные данные обвиняемого, заполняли бланки протоколов допросов, произвольно вписывая в них вымышленные показания о всевозможной контрреволюционной деятельности... Что касается подписи обвиняемого на составленном таким образом протоколе допроса, то таковая учинялась или самим следователем, подделывая её под подпись обвиняемого, имевшуюся на анкете данного арестованного, или обвиняемым, которому не читали фактически записанного в протоколе, а, прочитав протокол «между строк» давали обвиняемому подписать, который доверяя следователю, читавшему ему протокол допроса, подписывал его, не имея представления, что в нём действительно написано»⁵⁵. Чтение «между строк» могло сработать, только если арестованный был безграмотным.

При проведении чистки советско-партийной номенклатуры тотальный следственный подлог мог применяться только в исключительных случаях. Как писала Л. Головова, «бывало, что подписи обвиняемых попросту подделывались. При просмотре дел (нецерковных, церковными в связи с поддельными подписями никто не интересовался) попадают служебные расследования по этому поводу и материалы графологической экспертизы, удостоверяющей подлог»⁵⁶.

В жалобе на имя первого секретаря ЦК КП(б) Украины (с 1938 г.) Н.С. Хрущёва от 29 июня 1940 г. бывший начальник уголовного розыска г. Кривой Рог А.П. Штеревер рассказал о своём пребывании в застенках НКВД: «Я начал поддаваться неслыханной инквизиции, физические пытки неоднократно приводили меня до невменяемого состояния. Коган (бывший работник УГБ, проводивший следствие), видя, что в лагерь врагов меня не столкнут, начал самостоятельно фабриковать от моего имени протоколы допросов и разные документы, подделывая подписи»⁵⁷. Ещё на допросе 20 июня 1939 г. Штеревер подтвердил факт применения к нему тотального следственного подлога⁵⁸.

Соответственно, данный метод применяли против полноправных советских граждан только в тех случаях, если пытки и обработка в камере «не действовали». Для органов НКВД вина классово близкого человека не была очевидной. Представителей советской элиты нельзя было просто арестовать и расстрелять, требовалось «доказательство» его враждебной деятельности. Им становилось личное признание арестованного в своей вражеской работе, для получения которого массово применялись пытки. Следователи при аресте полноправного советского гражданина не были ограничены семидневным сроком и могли выбивать признательные показания месяцами. При этом тотальный следственный подлог применялся только в тех случаях, когда человек выдерживал пытки, или следственное дело нужно было в срочном порядке дополнить каким-нибудь документом, например, протоколом очной ставки.

При репрессировании «контрреволюционных национальных контингентов» подлог, судя по всему, также применялся достаточно редко. На данный момент обнаружен только один подобный случай. На анкете и первых двух страницах протокола допроса от 3 ноября 1937 г. «польского шпиона» А.И. Клиновского (приговорён к расстрелу) стоит одна подпись⁵⁹, а на остальных листах, где он

⁵⁵ Там же. С. 126.

⁵⁶ См.: Головова Л. Особенности прочтения...

⁵⁷ АУСБУ ДО, д. 23746, т. 4, л. 64.

⁵⁸ Там же, л. 38.

⁵⁹ ГА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 3007, л. 4–5.

«рассказывает» о своей шпионской деятельности, имеются совершенно другие по сравнению с предыдущими подписи⁶⁰.

Воспоминаний людей, которых можно чётко определить как жертв национальных операций, осталось очень мало. Жалобы они подавали редко, в том числе из-за языкового барьера. В официальном письме от 30 декабря 1939 г. заместитель народного комиссара внутренних дел Черняев жаловался прокурору СССР М.И. Панкратьеву, что «в ГУЛАГ НКВД СССР поступает большое количество заявлений от заключённых на национальных языках, причём значительное количество заявлений относится к прокуратуре СССР. ГУЛАГ НКВД не имеет бюро переводчиков, и подыскивание для каждого случая переводчика затягивает направление заявлений по принадлежности, а зачастую нет возможности подыскать переводчика». И далее приводится список языков — «азербайджанский, армянский, грузинский, казахский, киргизский, башкирский, туркменский, татарский, таджикский, турецкий, немецкий, французский, английский, корейский, латышский, польский»⁶¹. Скорее всего, большинство подобных жалоб так и не было переведено, а позднее их уничтожили.

В чём же причины применения тотального следственного подлога? Чекисты как «карающий меч диктатуры пролетариата» должны были беспощадно бороться с врагами социализма и трудового народа. Настоящий борец был обязан определить врага, опираясь на собственные политическую грамотность и классовое чутьё. Поэтому в 1920—1930-х гг. профессиональная подготовка чекистов в основном сводилась к следующему: «Работа следственная исключительно сложная, следовательно должен быть грамотным, и особенно в политическом отношении. Тот не следователь, который не в состоянии отличить кулака-эксплуататора от середняка... Нужно участвовать в общественной жизни, нужно бывать на слёте стахановцев и ударников и видеть не только лодырей, но и жизнь честных трудящихся. Нужно уметь определить сиониста, сектанта, кулака. Для этого каждый чекист должен быть человеком политически грамотным и полноценным»⁶².

Начальник Ворошиловоградского УНКВД Г.И. Коркунов 23 ноября 1938 г. на оперативном совещании личного состава наркомата акцентировал внимание своих подчинённых на необходимости поднятия «идейно-политического роста основного оперативного костяка и чекистской квалификации вновь прибывшего пополнения коммунистов и комсомольцев, мобилизованных в НКВД ЦК КП(б)У и ЦК ЛКСМУ. Эта учёба и воспитание будут служить условием правильности и эффективности в нанесении удара по контрреволюционному подполью»⁶³. При таком понимании специфики работы органов государственной безопасности юридическое образование было не нужно, скорее, даже мешало при ликвидации «врагов народа». Поэтому только в ноябре 1938 г. появилось требование «снабдить весь состав оперативных работников НКВД центра и на местах экземплярами» Уголовного кодекса (УК) и Уголовно-процессуального кодекса (УПК)⁶⁴. Соответственно, большинство чекистов, проработав годы в НКВД, не то что не знали уголовного права, но даже не держали в руках УК. Когда от

⁶⁰ Там же, л. 6—11.

⁶¹ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 17, д. 12, л. 1.

⁶² Протокол совещания оперативных работников наркомата внутренних дел в Молдавской АССР и райотделов по поводу обработки постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР про агентурно-следственную работу органов НКВД // Великий терор в Україні... С. 347.

⁶³ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, д. 94, л. 28.

⁶⁴ Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». 26 ноября 1938 г. // История сталинского ГУЛАГа... С. 311.

сотрудников НКВД и прокуратуры потребовали руководствоваться в своей работе не политическим чутьём, а действующим законодательством, то выяснилось, что в Туркменской ССР в принципе отсутствует УПК. Он был издан в этой республике в 1932 г. в связи с отменой предыдущего кодекса от 1928 г. Однако новый УПК не ввели в действие из-за большого количества ошибок и противоречивших друг другу положений разных статей. О том, что Туркменистан жил без УПК, вспомнили лишь в конце 1938 г.⁶⁵ Очередной кодекс был принят и отпечатан в экстренном порядке уже в 1939 г.⁶⁶ со всеми ошибками и неточностями, согласно принципу: лучше плохой закон, чем вообще никакого. Важно подчеркнуть, что «правоохранительные» органы советского Туркменистана в 1932–1938 гг. прекрасно функционировали без УПК, руководствуясь классовой сознательностью и партийной дисциплиной.

В тех регионах СССР, где УК и УПК приняли ещё в 1920-х гг., ситуация оказалась не лучше. Так, по состоянию на 28 апреля 1939 г. в кировоградской областной прокуратуре (призванной следить за соблюдением законности!) не было ни одного экземпляра УК и УПК⁶⁷. Большинство райотделов милиции РСФСР даже к концу 1940 г. имело всего по одному экземпляру. Как указывалось в официальном письме, направленном в Народный комиссариат юстиции, такое положение дел очень затрудняло работу милиции. Поэтому Главное управление рабоче-крестьянской милиции просило выделить им 20 тыс. экземпляров УПК и УК, а также 5 тыс. учебников по уголовно-процессуальному праву⁶⁸. УПК и УК РСФСР были приняты в 1923 и 1926 гг. соответственно, однако их отсутствие в районных отделах милиции до 1940 г. никак не влияло на их работу. Дело в том, что в органах госбезопасности, милиции и даже в прокуратуре не просто игнорировали нормы уголовно-процессуального права – их не знали и знать не хотели.

Военный прокурор Харьковского военного округа Грезов 28 ноября 1938 г. на оперативном совещании личного состава УГБ УНКВД по Харьковской обл., указывая на повальное незнание и игнорирование норм уголовного права, предложил организовать для следственных работников УГБ «прохождение курса ознакомления [!] с законами ведения следствия»⁶⁹. Не объяснения или уточнения сложных аспектов уголовного процесса, а именно «ознакомления». Как видим, следователи Харьковского областного УГБ понятия не имели, на основании каких законов они могут привлекать к уголовной ответственности советских граждан. А Харьков – это не глухая провинция, до 1934 г. – столица УССР и крупный экономический центр Советского Союза. По сути, следственные работники УГБ УНКВД имели ничем не ограниченную власть, которая закономерно привела к формированию у чекистов уникального по уровню своей деформации «правосознания»⁷⁰.

Абсолютный правовой нигилизм и доминирование идеи классовой борьбы сформировали в чекистской среде специфическое понимание «законного» и «незаконного». Любой метод уничтожения «врага народа» автоматически становился

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 16, д. 4, л. 177.

⁶⁶ Там же, л. 180.

⁶⁷ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 288, оп. 4, д. 3, л. 118.

⁶⁸ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 17, д. 16, л. 82.

⁶⁹ Протокол оперативного совещания личного состава УГБ УНКВД по Харьковской области. 28 ноября 1938 г. // Великий терор в Україні... С. 357.

⁷⁰ Карпова С.Г. До проблеми влади в концепції М. Фуко // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Історія і філософія науки і техніки. 2009. № 1/2. (Вип. 17). С. 24–30.

«законным». Если чекист, опираясь на свою классовую сознательность, находил «врага народа», но доказательная база для его осуждения отсутствовала, то освобождение этого человека не соответствовало духу «социалистической законности». В то же время учинение следственного подлога с показаниями и подписями арестованного стало вполне «законным», так как это делалось во благо высшего идеала — утверждения социализма. Показательно, что при осуждении сотрудников Широкинского и Молочанского РО НКВД суд официально признал, что следственные материалы на более чем сотню «кулаков» были сфальсифицированы. Однако никого из них не освободили и не реабилитировали, хотя многие из этих людей обращались с жалобами на неправомерное осуждение ещё в 1939–1941 гг. Для сталинской карательной системы первичным оказывался результат — враг должен быть уничтожен, а каким способом, не столь важно. Согласно идеологии классовой борьбы граждане СССР в глазах сотрудников советской правоохранительной системы были разделены на две группы: «товарищи» и «враги». Итак, кампания по борьбе за укрепление социалистической законности 1939–1941 гг. полностью не ликвидировала практику тотального следственного подлога⁷¹.

Оперативный приказ № 00447 чётко определял социальный состав репрессированных и их количество, что указывалось в так называемых лимитах. Продолжительность следствия не должна была превышать семи дней, при этом требовался только один допрос. Приговоры определялись фактом социального происхождения и наличием «лимитов», утверждались внесудебным органом — «тройкой». Таким образом, сотрудникам НКВД при реализации вышеназванного приказа не нужно было проводить каких бы то ни было следственных действий, в том числе и по закону допрашивать арестованных. Тем чекистам, которые этого не понимали, «старшие товарищи», судя по всему, давали устные приказы. Бывший начальник 1-го отделения Днепропетровского УНКВД М.Л. Коган на допросе вспоминал, как к нему в начале марта 1938 г. на оперативном совещании обратился начальник того же УНКВД П.А. Коркин: «Скажите, Коган, когда вы думаете арестовать всех проходящих по показаниям?». Я ответил, что арестовывать сейчас никого не могу по двум причинам: 1) скопилось большое количество старых дел, остатки с 1937 г. и некому их заканчивать; 2) в отношении многих проходящих по показаниям необходимо собрать дополнительные материалы. Выслушав мой ответ, Коркин стукнул по столу и заявил: «Враги должны сидеть в тюрьме, а то, что их некому допрашивать, пусть вас не смущает»⁷².

Оперативные приказы № 00447 и № 00486 требовали от сотрудников НКВД соблюдения определённой процедуры. Поэтому чекистам при реализации «кулацкой операции» и при репрессировании «жён изменников Родины» незачем было под пытками выбивать признания — «вина» и «наказание» заранее определялись. Арестованного нужно было только «оформить» на «тройку», для чего как нельзя лучше подходил тотальный следственный подлог.

Из-за размаха репрессий и необходимости проведения их в сжатые сроки даже возник дефицит сотрудников НКВД. В органах этого наркомата отменили отпуска, к операции привлекли курсантов и личный состав школ УГБ и ГУЛАГа, школ милиции и военных училищ НКВД, а в приграничной полосе — пограничные войска⁷³.

⁷¹ ГА ДО, ф. 6478, оп. 2, д. 1901, л. 25, 31; Агент мировой буржуазии // В загоне / Сост. А.П. Казанцев. Верхняя Пышма, 2000. С. 83.

⁷² АУСБУ ДО, д. 23746, т. 2, л. 206.

⁷³ Совещание сотрудников НКВД УССР по вопросу подготовки к изъятию кулаков и уголовников на Украине. Протокол № 1 // Великий терор в Україні... С. 62–63.

Итак, основную массу репрессированных с помощью тотального следственного подлога в годы Большого террора составили крестьяне, проходившие по «кулацкой операции». Из воспоминаний с фактами, подтверждавшими данный подлог, осталось непропорционально мало. Среди священнослужителей, более склонных к саморефлексии и мемуаристке, процент смертных приговоров был максимально высок, а те, кого приговорили к заключению в лагерях, как правило, были преклонного возраста и многие из них не дожили до освобождения.

В то же время «антисоветские элементы» реже по сравнению с другими категориями репрессированных подавали жалобы на неправомерность приговоров. Во-первых, крестьяне, составлявшие значительную часть «антисоветских элементов», нередко были без- или малограмотными. Во-вторых, за годы социально-политической дискриминации со стороны государства «кулаки», «церковники», «бывшие люди» и прочие «элементы» привыкли к мысли о том, что рассчитывать на справедливость оказывалось бессмысленно. Они перестали ощущать себя полноправными гражданами и приняли социальную роль «врагов» государства — в смысле не реальной враждебности, а самоощущения ущербности своего социального положения, классовой неполноценности. Насаждение психологии гражданской войны неминуемо утверждало деление общества на «мы» и «они», поэтому «антисоветские элементы» вынужденно смирились с ролью «врагов».

Отсутствие времени, нехватка людей да и сама нормативная база Большого террора подталкивали сотрудников НКВД к следственному подлогу. В результате за неделю следователи органов госбезопасности не успевали «выбивать» из каждого арестованного не то что признания, но даже подписи под сфабрикованным протоколом допроса или очной ставки.

Вплоть до 1939 г. во время работы чекисты руководствовались исключительно классовой сознательностью, а не действующим законодательством, поэтому вина «антисоветских элементов» для следователей НКВД всегда была очевидна. «Раскулаченный» — это затаившийся враг. Священнослужитель — враг, который даже не прячется, а публично признаёт свою враждебность по отношению к советской власти. Жена «изменника Родины» — активный или пассивный его сообщник.

Установленные «лимиты», особенно для лиц, подлежавших «изъятию» по 1-й категории, подчиняли работу органов НКВД определённой логике: если смертные приговоры уже вынесены, то под них осталось просто найти людей. Проведение следствия при этом превращалось в чистую формальность. За семь дней невозможно провести даже липовое расследование, но этого вполне достаточно, чтобы оформить необходимые документы, в том числе подделать подписи «изъятых» для приведения приговора в исполнение. Это же касалось и жён «изменников Родины». Приказ № 00486 не предполагал для следствия инвариативности, вина определялась по факту семейного положения.

Ещё одна особенность тотального следственного подлога: он применялся в первую очередь при репрессировании «одиночек», которых невозможно было объединить в какой-нибудь заговор или террористическую группу. Арест «кулака», «церковника» или члена семьи «изменника Родины» не открывал никакой перспективы для карьерного роста следователя или другого поощрения со стороны начальства. Только объединение «в группы» представляло интерес для карательных органов. Идеальным для карьерного роста становилось «раскрытие» заговора в советских или партийных структурах. Для подобных разработок сотрудники НКВД не жалели времени и сил, экономя их путём применения тотального следственного подлога при репрессировании «антисоветских элементов» и жён «изменников Родины».